

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОРОДСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ ВОРОНЕЖА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1914–1917 ГОДЫ)

Н. А. Заяц

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 12 июля 2016 г.

Аннотация: *статья рассказывает о деятельности Воронежской городской думы в годы Первой мировой войны, основных направлениях ее борьбы с военным кризисом и факторах, которые препятствовали ей в этом.*

Ключевые слова: *Воронеж, Первая мировая война, городское самоуправление, городская дума, губернатор, продовольственный кризис, топливный кризис, дороговизна, помощь армии.*

Abstract: *the article talks about the activities of the Voronezh City Duma in the First World War, the main directions of its activity in the fight against the war crisis and about the factors that prevented her from it.*

Key words: *Voronezh, First World War, municipal government, City Duma, governor, food crisis, fuel crisis, high cost, help to army.*

Через четыре дня после начала Первой мировой войны, 23 июля, было создано чрезвычайное думское собрание, на котором было решено послать верноподданническую телеграмму царю и принять два доклада – о помощи армии и семьям призванных. Свободные средства в 28,38 тыс. руб. были направлены на военные нужды [1, с. 302]. На врачебно-санитарную помощь дума ассигновала 10 тыс. руб. Для создания госпиталей из думы была выделена исполнительная комиссия из 8 гласных. В августе–сентябре под госпитали был отведен ряд городских зданий и помещений, включая даже зал городской думы. Также в октябре оформился воронежский комитет Союза городов, разросшийся до 15 чел. Однако, как с сожалением писали гласные, из-за «охлаждения» членов к работе он работал в половинном составе. Тем не менее комитет открыл 10 госпиталей на 1220 чел. (из 45 госпиталей города на 6833 чел.). При этом он действовал без помощи комитета Союза земств. Единственная попытка их совместной организации на почве помощи беженцам через создание общего исполкома потерпела неудачу. К тому же вскоре комитеты стали получать средства напрямую от администрации [2, с. 1–2].

Для лечения заразных в 1915–1916 гг. были построены бараки в приобретенной думой «усадебке на Лоску». Здание же обычной больницы передали земству для открытия холерного отделения [1, с. 186]. В конце 1914 г. решено было построить прачечную для нужд больных и раненых. Сумм города и Городского союза в 24,5 тыс. руб. не хватило, так как смета потребовала затрат в 60 тыс. [3]. Положение облегчил гласный Н. А. Клочков, который продал здание своей фабрики на выгодных городу условиях – за 30 тыс.

и в рассрочку. В 1914–1915 гг. оно было перестроено, а в 1916 г. закуплено новое оборудование.

Дума занималась и выдачей пособий семьям призванных. 23 июля 1914 г. она признала недостаточным размер казенного пособия (около 2 руб. в месяц на человека) и выделила на дополнительные выплаты 10 тыс. руб. Для помощи управе в распределении была избрана комиссия из 19 чел., расширенная в августе до 29. К 5 февраля 1915 г. были выданы пособия 1199 семьям на 24 415,8 руб. К концу года ежемесячная сумма выплат достигла уже 7 тыс. руб. [1, с. 310]. Несмотря на введение налогов, перерасход достиг 24,384 руб. Для получения денег некоторые гласные предложили прибегнуть к займам, но после выступлений думцев Юхневича и Клочкова дума увеличила таксу на водопровод на 50 % и повысила с 1 января 1917 г. сборы за электричество и сточные трубы [4]. Отдельная помощь оказывалась городским служащим. Решением думы ее мобилизованные служащие были признаны оставленными на службе и за ними были сохранены оклады. 16 декабря 1916 г. дума постановила выдать на дополнительные выплаты 28 постоянным служащим 889,5 руб., хотя и отказала 36 временным [5]. В дальнейшем к этому вопросу приходилось неоднократно возвращаться [6]. На плечи города легла и помощь военным частям, переведенным в Воронеж. В 1915 г. расходы на войска составили 244 610,9 руб., из них доплата города – 115 127,4 руб. На 1916 г. планировалось 445 523,4 руб. с доплатой 238 496,9 руб. [1, с. 304].

Но наиболее важным был вопрос снабжения города в первую очередь – продовольствием и топливом. Уже 28 августа 1914 г. дума установила твердые цены на хлеб, чтобы скорректировать последствия дорого-

визны, продлив новые таксы после совещания с губернатором до 1 марта 1915 г. По городскому положению 1892 г. дума имела право на установление такс только на хлеб и мясо, к тому же менять их можно было только через три года. Но уже в ноябре 1914 г. была увеличена такса на мясо, а вскоре и на хлеб, что было легализовано губернатором [7, л. 50]. Все же в Воронеже в течение всей войны регулировались таксы лишь на хлеб и мясо, а также на некоторые непродовольственные товары – воду, дрова и т. п. [8, л. 6]. В 1915 г. таксы под влиянием постоянно повышались, но на деле торговцы их упорно не соблюдали, продавая хлеб, несмотря на штрафы, вместо 3 коп. за фунт по 3,5 или даже 7, а также постоянно превышали положенный срок торговли [9; 10]. Долгая разработка новых такс в мае 1915 г. [11] результатов не дала – губернатор созвал продкомиссию повторно для проверки расчетов. Собралась она 19 июля и оставила прежние таксы, так как цены успели понизиться [12, л. 36–37]. Провалился и вопрос о введении думой контроля над соблюдением такс. Предложение ввести должность базарных старост в итоге было заблокировано думой из интересов дешевизны. Была создана лишь торговая полиция из двух депутатов, которая фактически бездействовала [13].

Старые таксы оставили под впечатлением от хорошего урожая. На деле дороговизна лишь усилилась. К тому же постановление думы от 1891 г., ограничившее торговлю мясом и молочными продуктами в базарные дни 11 часами, фактически не исполнялось: перекупщики просто стали покупать товар за чертой города [14, л. 159]. В конце марта 1916 г. воронежские продлавки пережили перебои с мукой. Этого хватило, чтобы пошли слухи «о предстоящем 24 марта погроме рынка и магазинов». Передавая об этом, городской полицмейстер отметил, что население винит в дороговизне гласных-торговцев и саму думу, не желающую закупать муку [15, л. 14]. Безусловно, гласные-торговцы играли традиционно очень большую роль. В Воронежской думе имелось даже «рыночное» лобби из гласных-купцов: Н. А. Клочкова, А. Н. Безрукова, И. В. Мещерякова и др. Примыкал к ним и владелец фабрики А. У. Юхневич. Все они не раз так или иначе защищали свободу торговли по самым разным поводам. Н. А. Клочков, старейший гласный, бывший голова, имевший огромное влияние, придерживался «компромиссной» тактики, уступая нуждам города, но, как правило, учитывая и интересы торговцев, например, выступал против такс на мясо ввиду их неэффективности. Все это, конечно, провоцировало конфликты. Так, после выступления Безрукова, возлагавшего вину за дороговизну на «непрактичность» деятелей города, развернулась перепалка, в которой выяснилось, что он сам спекулирует мукой [16].

Но корень проблем был в том, что дума не имела возможностей контролировать рынок. Попытки сопротивления думы «стихии рынка» ни к чему не привели. Она пошла по единственно возможному пути – независимой закупке товаров с продажей населению по твердым ценам. Эта деятельность проводилась продкомиссией думы. Зерно шло из фондов уполномоченного по продовольственному делу и уполномоченного по закупке хлеба для армии [17, л. 1], а деньги брались в основном из банковских займов. Так, в апреле 1915 г. решено было просить о займе у правительства в 200 тыс. руб. (разрешено в итоге 100 тыс.), 50 тыс. заняты в частных банках на закупку 25 вагонов ржи, 1 сахара и 5 соли [1, с. 312]. В октябре было решено закупить 100 вагонов пшеницы и 100 ржи, 30 соли, на что получили заем в 13,5 тыс. руб. Голове поручили переговорить с хозяевами мельниц о помоле муки [18, л. 1, 4, 10]. К 1 января 1916 г. управой было закуплено 176 вагонов пшеницы, 54 ржи и 12 сахара, для чего пришлось просить у главуполномоченного внеочередные вагоны [19]. К 1 февраля было получено 170,22 тыс. пудов пшеницы [20]. Для продажи были организованы три продлавки и заключены договоры с пятью пекарнями, по которым они продавали хлеб по цене ниже таксы на 10 коп. [18, л. 11–13; 21].

В июне 1916 г. думой были введены карточки. Проведенная в октябре перепись в городе и пригородах учла 21 112 жилых квартир и свыше 167 тыс. чел. Цена на муку была установлена по 9 коп. за фунт без мешка. На карточку отпускалось 10 фунтов муки или печеный хлеб по 3 фунта на человека в день, а также 5 фунтов сахара в месяц. Постановлением продкомиссии 25 июля 1916 г. была определена норма мяса в 16 золотников в день [22, с. 19]. Служащие города получали талоны на мясо 2 раза в неделю, от 5 фунтов на человека, по 25 коп. за фунт [23]. Была введена и такса на сахар (17 коп. за фунт): вначале в Воронежском, Валуйском и Нижнедевицком уездах, но нацеливалась она на распространение по губернии [24, с. 12]. Было решено отпускать Воронежу 9 тыс. пудов сахара в месяц, передавая их также 15 торговцам [25]. В октябре появились карточки на керосин, для чего пришлось обращаться в правительственный комитет по керосину [1, с. 314].

Однако ресурсы думы могли лишь смягчить ситуацию. К концу 1916 г. цены выросли еще больше [26, с. 46–47]. Осенью 1916 г. губерния столкнулась с недостатком товаров вообще: на ряде мельниц производство сократилось из-за нехватки топлива и нежелания продавцов возить хлеб; некоторые были мобилизованы на армию [27, л. 208–215; 28]. С введением «мясопустных дней» и истощением запасов торговцев из ряда магазинов исчезло мясо. Пропало сырье для маслобоек, а с ним и они сами: из 42 за-

крылось 23 [29]. К концу года торговля хлебом на воронежской бирже почти не велась [30]. В конце октября на мельнице 1-го товарищества благодаря разрешению уполномоченного удалось взять лишь 74 тыс. пудов хлеба [31]. С мельницей заключили контракт на 100 тыс. пудов, но уже в ноябре он был расторгнут, так как та перепродавала муку частникам, а городу поставляла такой плохой хлеб, что покупатели чуть не разгромили лавку, разбив буханками стекла [32]. Управой были посланы уполномоченные по окрестностям, но «по добровольному соглашению» им почти ничего не удалось получить; «путь же реквизиции оказался для городского управления недоступным».

Пришлось обратиться к уполномоченным [33, л. 1–9]. Лишь благодаря им управа получила 232 101 пуд пшеницы. Из них на помол поступили 53 060,5 пуда, а остальное лишь ожидалось. Управа подсчитала, что «если же прекратить выдачу муки пекарям, то они должны будут (у кого нет запасов) перейти на выработку черного хлеба, но зато можно будет продолжать выдачу пшеничной муки населению в течение четырех месяцев по 5 ф. на порцию». Запасов ржаной муки должно было хватить на месяц, но управа желала обеспечить запас месяцев на пять из ежемесячного расчета в 250 000 пудов. Проблемы затора на железных дорогах и рост дороговизны этим не решались. На заседании 11 января 1917 г. стал понятен, по словам Юхневича, «тупик» положения. Гласные отправили депутацию губернатору с докладом и утвердили очередное повышение таксы на хлеб до 5 ½ коп. [34]. На следующем же заседании таксы были повышены: ржаной хлеб – 6 коп., мясо 1-го сорта – 45 коп., 2-го – 42 и 3-го – 39. Зато такса на белый хлеб отменялась ввиду отсутствия его в городе [35].

Фактически рынок перестал подчиняться любому контролю, и установилось положение прогрессирующего дефицита. В начале 1917 г. с воронежских рынков стали исчезать калоши, нитки, масло. Приезжие крестьяне регулярно продавали хлеб и прочие товары по огромным ценам – до 20–30 коп. за фунт ситного хлеба, а в лавках он же продавался по 25 [36]. В начале 1917 г. губернатором было спущено постановление министра торговли о введении предельных цен на ткани. Думой он был признан «довольно сложным» и передан в комиссию по благоустройству города [37]. Фактически перед Воронежем в начале 1917 г. зримо встала угроза голода и хаоса спекуляции.

Аналогичная ситуация сложилась с топливом. За него отвечал уполномоченный Особого совещания по топливу, которым был губернатор, однако он имел лишь распределительные функции, так как план спускался из столицы. По плану 1916 г. нужды губер-

нии были удовлетворены только на 44 %; даже предприятия первых трех категорий, работавших на оборону, получили 73–81 % [38]. Попытки думы независимо добыть уголь завершились неудачей. Осень 1916 г. город встретил без угля, вместо которого пришлось выдавать антрацитный «орешник» с сильной примесью мусора [39]. Дрова для воинских частей даже не начали добывать, и средства на это запросили у распорядительного комитета [40]. 5 сентября 1916 г. дума обсуждала вопрос о заготовке дров в Графском лесничестве, для чего был нужен заем в 200 тыс. руб. Решено было организовать продажу их в частных складах, так как строительство своих, по утверждению Н. А. Клочкова, вызвало бы удорожание дров [41]. Обсуждался и вопрос о дороговизне извозчиков, из-за чего многие жители не могли доставить дрова. Но вместо таксы на извоз гласные, пошедшие на поводу у купечества, решили поставлять дрова прямо на дом. Для этого решено было задействовать обоз земства из 36 лошадей или три автомобиля (которые еще надо было достать).

По подсчетам управы, ежегодное потребление города составляло 13 млн пудов дров, из которых думе оставалось заготовить около 4 млн, для чего надо было получить разрешение на разработку Графского и Углянского лесных участков. 31 января 1917 г. было постановлено: «1. Поручить управе установить совместно с администрацией ж.д. плановую перевозку дров. 2. Поручить управе пригласить уполномоченного по надзору за перевозкой. 3. Управе возбудить ходатайство об установлении в пригородных селах повинности по поставке дров в город. 4. Одобрить план обеспечения топливом, возбудить ходатайство об отводе 310 дес. леса. 5. Деньги на оплату китайцев взять из сумм, отпущенных правительством на заготовку дров для воинских помещений» [42]. При обсуждении вопроса о доставке развернулись споры о введении гужевой повинности. Некоторые гласные энергично протестовали, назвав проект «крепостным правом». Было решено заявить губернатору, что «если обещание железной дороги о предоставлении вагонов не будет приведено в исполнение, то городское самоуправление слагает с себя ответственность в обеспечении населения дровами» [43]. Правда, подсчеты показали, что 13 млн пудов давали в среднем 53 вагона в день, а дорога и так с трудом справлялась с 15 [44].

Противоборство «торговой» части думы, которая упорно блокировала мобилизационные предприятия, дорого далось городу. Губернатор 10 февраля с раздражением приказал открыть новые склады дров (что обсуждалось еще в сентябре) и начать заготовку дров. Управа ответила, что работа по их перевозке только началась, но лес занесен снегом, вблизи нет жилья для рабочих, да и рабочих не набрано из-за спроса на

рабочую силу и отсутствия военнопленных, занятых расчисткой путей. Склады управа обещала открыть, но прибавила, что заготовленные 1200 кубических сажень дров предназначены исключительно для воинских помещений. В конфликт внезапно вмешался и уполномоченный по древесному топливу Хомутов, который тоже считал себя вправе требовать у управы заготовить дрова в городском лесу. Это вызывало возмущение гласных. Было решено обратиться к председателю Особого совещания по топливу с ходатайством о содействии и о праве на заготовку в казенном лесу [45]. После долгих прений 15 голосами против 12 гужевая мобилизация все-таки была утверждена [46]. Но фактически снабжение не было урегулировано до самой революции.

Все это происходило на фоне тяжелого экономического и финансового кризиса, который постиг Воронеж в первый же год войны. По смете 1914 г. превышение расходов думы составило почти 300 тыс. руб. Смету на 1915 г. управа представила на утверждение думы лишь в июне этого года. Уставшие гласные приняли ее второпях. Дефицит увеличенного вдвое бюджета (3745 млн руб.) по плану составлял 272 тыс. руб., но в итоге оказался превышен вдвое: 605,5 тыс. руб. Пытаясь поправить финансы, дума предложила правительству дать ей отсрочку на выплату казенных долгов, а также взять на себя расходы на полицию, пересмотреть отставшие от инфляции воинские оклады, даровать ей право взимать новые, не установленные Городовым положением сборы и выделить город в отдельную земскую единицу, чтобы выйти из-под земского налогообложения [47]. Ходатайства продолжались всю войну, но упорно игнорировались. Более того, городу пришлось потратиться на новую 4-ю полицейскую часть города [1, с. 311]. В итоге вся жизнь думы оказалась построена на займах, что грозило ей после войны невыполнимыми долгами.

Кризис перечеркнул большинство надежд думы на улучшение города. Воронеж и раньше не мог похвастаться благоустроенностью, но после войны инфраструктура его еще больше пришла в упадок. Городские помещения обветшали, ряд зданий был отдан под военные учреждения, половина города осталась без электроосвещения, водопровод обслуживал только часть домов, трамваи, несмотря на титанические усилия, запустить не удалось, из-за чего ограничились конкой. Большинство улиц было без мостовых, а оставшиеся чинились очень плохо, не помогло и учреждение «мостовой комиссии». Дошло до того, что в конце 1916 г. дороги заваливали золой и перегоревшим углем [48]. Управе приходилось прилагать огромные усилия для достижения самого необходимого. Хотя еще в марте 1916 г. было решено построить центральный водопровод, его так и не

удалось создать. Вместо двух электронасосов пришлось ограничиться покупкой одного [49, л. 62–63]. Острым был вопрос о канализации. У города были только старые сточные трубы, арендуемые у С. И. Попова, и ассенизационный обоз, увеличившийся за время войны втрое, но не справлявшийся с нагрузкой [50, л. 1]. К тому же он втайне от полиции упорно выливал нечистоты прямо в жилых кварталах и пригородах [51]. 2 апреля 1915 г. дума решила устроить коллектор в северной части города стоимостью в 60 тыс. руб. и создать свалочные места для засыпания известью [52]. Регулярные прошения к власти об отпуске денег на канализацию не прошли, несмотря на угрозу эпидемий [53, л. 1]. Лишь в июне 1916 г. губернское присутствие передало прошение о займе в МВД. Между тем еще 25 февраля 1916 г. управа выкупила трубы за те же 60 тыс. руб., взяв еще обязательство у Стогова за свой счет заменить деревянные трубы на гончарные и подсоединить к ним ряд общественных зданий, что было готово к марту 1917 г. [1, с. 317–318].

Таким образом, стоит признать, что деятельность думы в годы войны столкнулась с рядом непреодолимых трудностей, с которыми она не могла справиться собственными усилиями. Городские деятели старались решить возникшие проблемы, но оказались способны лишь на их минимизацию, так как системное решение зависело от правительства. К тому же работа думы часто не встречала понимания со стороны властей, учреждений и общества и тормозилась противоречиями и ошибками в собственной среде.

ЛИТЕРАТУРА

1. Попов П. А. Городское самоуправление Воронежа. 1870–1918 / П. А. Попов. – Воронеж : Кварта, 2006.
2. Обзор деятельности Воронежского комитета Всероссийского Союза городов за 1914–1915 годы. – Воронеж, 1915.
3. Воронежский телеграф. – 1915. – № 59. – 13 марта.
4. Воронежский телеграф. – 1916. – № 274. – 16 дек.
5. ГАВО. – Ф. И-19. – Оп. 1. – Д. 3007.
6. Воронежский телеграф. – 1916. – № 227. – 18 окт.
7. ГАВО. – Ф. И-21. – Оп. 1. – Д. 2237.
8. ГАВО. – Ф. И-21. – Оп. 1. – Д. 2288.
9. Воронежский день. – 1915. – № 25. – 15 апр.
10. Воронежский день. – 1915. – № 43. – 7 мая.
11. Воронежский телеграф. – 1915. – № 73. – 5 апр.
12. ГАВО. – Ф. И-21. – Оп. 1. – Д. 2223.
13. Воронежский телеграф. – 1916. – № 85. – 22 апр.
14. ГАВО. – Ф. И-1. – Оп. 21. – Д. 2207.
15. ГАВО. – Ф. И-6. – Оп. 1. – Д. 2085.
16. Воронежский телеграф. – 1916. – № 196. – 7 сент.
17. ГАВО. – Ф. И-6. – Оп. 1. – Д. 2215.
18. ГАВО. – Ф. 19. – Оп. 1. – Д. 3108.
19. Воронежский телеграф. – 1916. – № 2. – 3 янв.
20. Воронежский телеграф. – 1917. – № 31. – 9 февр.

21. Воронежский телеграф. – 1916. – № 56. – 11 марта.
22. Вестник Воронежского уездного земства. – 1916. – № 11. – 17 июня.
23. Воронежский телеграф. – 1916. – № 116. – 1 июня.
24. Вестник Воронежского уездного земства. – 1916. – № 11. – 17 июня.
25. Воронежский телеграф. – 1916. – № 136. – 24 июня.
26. Журналы Воронежского Губернского земского собрания очередной сессии 1916 г. (28 февраля – 4 марта 1917 г.). – Воронеж, 1917.
27. ГАВО. – Ф. И-1. – Оп. 1. – Д. 1252.
28. Воронежский телеграф. – 1916. – № 216. – 5 окт.
29. Воронежский телеграф. – 1916. – № 247. – 11 нояб.
30. Воронежский телеграф. – 1916. – № 284. – 31 дек.
31. Воронежский телеграф. – 1916. – № 239. – 2 нояб.
32. Воронежский телеграф. – 1916. – № 258. – 11 нояб.
33. ГАВО. – Ф. 37. – Оп. 1. – Д. 11.
34. Воронежский телеграф. – 1917. – № 4. – 6 янв.
35. Воронежский телеграф. – 1917. – № 10. – 13 янв.
36. Воронежский телеграф. – 1917. – № 13. – 17 янв.
37. Воронежский телеграф. – 1917. – № 38. – 18 февр.
38. Воронежский телеграф. – 1916. – № 45. – 28 февр.
39. Воронежский телеграф. – 1916. – № 216. – 5 окт.
40. Воронежский телеграф. – 1916. – № 239. – 2 нояб.
41. Воронежский телеграф. – 1916. – № 197. – 8 сент.
42. Воронежский телеграф. – 1917. – № 27. – 2 февр.
43. Воронежский телеграф. – 1917. – № 28. – 4 февр.
44. Воронежский телеграф. – 1917. – № 32. – 9 февр.
45. Воронежский телеграф. – 1917. – № 36. – 18 февр.
46. Воронежский телеграф. – 1917. – № 37. – 17 февр.
47. Воронежский день. – 1915. – № 60. – 29 мая.
48. Воронежский телеграф. – 1916. – № 231. – 22 окт.
49. ГАВО. – Ф. И-21. – Оп. 1. – Д. 2275.
50. ГАВО. – Ф. И-21. – Оп. 1. – Д. 2296.
51. Воронежский телеграф. – 1916. – № 259. – 27 нояб.
52. Воронежский телеграф. – 1915. – № 73. – 5 апр.
53. ГАВО. – Ф. И-21. – Оп. 1. – Д. 2296.

*Воронежский государственный университет
Заяц Н. А., аспирант кафедры истории России
E-mail: nikzayats@yandex.ru
Тел.: 8 (473) 224-75-14*

*Voronezh State University
Zayats N. A., Post-graduate Student of the Russian
History
E-mail: nikzayats@yandex.ru
Tel.: 8 (473) 224-75-14*